

розрахунків, якщо воно утворюватиметься, слід погашати за домовленістю сторін (валютними товарами або ВКВ). По-друге, це розвиток відносин на рівні прямих зв'язків підприємств, об'єднань, кооперативів, бірж, асоціацій, консорціумів, спілок тощо. Перехід до подібних відносин можливий за умови поступового звуження сфери дії державних органів у визначенні взаємних поставок і надання свободи підприємницької діяльності виробничим ланкам. Останні повинні погоджувати не лише предмет співробітництва, а й сферу ціноутворення, поставок, кредитів, інші фінансові питання. Широкий вихід товаровиробників на ринок, наповнення його товарною масою створять передумови для функціонування східноєвропейської зони вільної торгівлі. Очевидно, що в розрахунках застосовуватимуться не тільки ВКВ, а й національні валюти країн-партнерів. Коли будуть встановлені реальні курси національних валют і введені часткова, а потім і повна конвертованість їх, тоді зросте потреба в створенні спільних банків, які збалансують торговельні операції між партнерами. Одні лише бартерні операції та компенсаційна торгівля, навіть якщо вони й відповідатимуть інтересам України, обмежуватимуть можливості співробітництва. Отже, перехід України на нові умови господарювання і форми зовнішньоекономічних зв'язків сприятиме зміцненню зони взаємного економічного тяжіння східноєвропейських держав і України.

Співвідношення згаданих вище сегментів складаються для країн – партнерів по-різному, залежно від прийнятих систем господарського управління, їхньої спроможності засвоювати нові форми співробітництва. Цілком ймовірно, що практика породжуватиме й інші сегменти. Спочатку за нових умов центр ваги перемістився на двосторонні зв'язки. Якщо Україна прийме відповідне законодавство, можливі й нові напрями взаємного співробітництва. Йдеться про інвестиційну сферу, створення спільних підприємств за кордоном, особливо в прикордонній смузі, спільну діяльність на ринках третіх держав, оскільки угорські, польські, чеські, словацькі фірми вже завоювали там певні позиції. Щодо розвитку торгівлі та інших форм зовнішньоекономічних зв'язків України з державами розвинутої ринкової економіки та країнами, що розвиваються, доцільно було б спрогнозувати платіжний баланс нашої країни, беручи до уваги залежність від імпорту з третіх держав, що входили до складу колишнього СРСР, сальдо в міждержавному обміні з ними та експортний потенціал. При цьому динаміка платіжного балансу України залежатиме, по-перше, від створення умов для поступового, без різних соціальних потрясінь, розв'язання проблем виробництва, що працюють на привізній сировині, і від спроможності самих товаровиробників перепрофілювати виробництво, наприклад диверсифікацією, щоб позбутися вузької галузевої спеціалізації, по-друге, від власних матеріальних і золотого запасів та резервів ВКВ; по-третє, від співвідношення курсів національних валют, що залежатиме, в свою чергу, не тільки від емісійної політики Національного банку та товарного наповнення споживчого ринку, а й від глибини економічної реформи в Україні.

Розробка програм стабілізації й розвитку зовнішньоекономічних зв'язків повинна включати оцінку можливостей сучасного експортного потенціалу України і першочергових, так званих критичних імпортних потреб. У цьому контексті заснування й функціонування спільних підприємств вбачаються більш надійною формою, ніж створення спільних економічних зон. З урахуванням потреб наших партнерів за кордоном та можливостей диференційованого стимулювання тих виробництв, що становитимуть основу експортного сектора економіки України, доцільно було б ширше заохочувати вкладення іноземного капіталу у вже існуючі господарські об'єкти. При цьому слід брати до уваги, що іноземний капітал віддає перевагу організаційно-економічним відносинам високого рівня, а не лібералізації умов для залучення іноземних інвестицій. Подібні форми економічних відносин сприяли б запровадженню у виробництво сучасних технологій, надали б імпульс прогресивним зрушенням у господарській структурі України, забезпечили б вихід на світовий ринок з конкурентоспроможною продукцією. Що стосується контролю іноземних інвесторів, то диференційований підхід до оподаткування і видавання ліцензій, контроль за додержанням санітарних та інших умов, створення національного агентства сприяння залученню іноземних інвестицій та інші заходи, успішно застосовувані у цивілізованих країнах світу, прийнятні і для України.

Виводи.

Сприятливе географічне розташування, значний потенціал обробної промисловості й перспективний експорт сільськогосподарської продукції слід враховувати під час розробки програми стабілізації та розвитку зовнішньоекономічних зв'язків України. Треба також враховувати, що:

1) торгівлю готовою продукцією на світовому ринку витісняє обмін науково-технічними досягненнями; 2) частка взаємного обміну деталями, компонентами, вузлами у міжнародній торгівлі зростає; 3) матеріально-технічне забезпечення виробництва фірми не обмежується національним ринком. Отже, одним із стратегічних напрямів доцільно передбачити пріоритетне залучення іноземного капіталу до науково-технічної та виробничої кооперації, взаємовигідного обміну на ліцензійній основі винаходами, розробками, ноу-хау, промисловими зразками тощо. Успішний розвиток зовнішньоекономічних зв'язків має ґрунтуватися передусім на кординальних змінах у структурі національної економіки України.

Джерела та література

1. Стратегія економічного і соціального розвитку України (2004-2015 роки) „Шляхом Європейської інтеграції (Гальчинський А.С., Геєць В.М. та ін.). – К., ІІЦ Госкомстата України. – С. 36–45.
2. Будзин Б. Менеджмент в Україні: сучасність і перспективи. –К., „Основи”, 2001.
3. Ойкен В. Основные принципы экономической политики. –М., «Прогресс», 1995.
4. Україна – Європейський Союз: зовнішньоекономічна діяльність і перспективи співробітництва. – Київ, 1995.
5. Лессер Б., Бондарчук І., Борисенко З.(та ін.) Корпоративне управління в Україні в сучасних умовах. – К., 2004.
6. Стиглиц Дж. Экономика государственного сектора. – М., Изд-во Моск. ун-та, 1997.
7. Гіл, Чарлз В.Л. Міжнародний бізнес: Конкуренція на глобальному ринку (пер.з англ.). – К.: “Основи”, 2001. – С. 230.

Осипов Ю.М.

РОССИЙСКИЙ ПУТЬ В XXI ВЕКЕ

1. Российский путь в XXI веке, или иначе – судьба России, определяется в значительной мере тем состоянием-положением, в котором Россия находится сегодня, а это сегодня в свою очередь, определяется измененческими процессами 1990-х годов, которые заставили Россию, с одной стороны, глобально открыться, а с другой – превратиться в страну-вспять, т. е. в страну, которая тотально уходит (субъектно, государственно, хозяйственно, пространственно, исторически, идейно, культурно, цивилизационно, даже конструкционно). Россия, благодаря инициативе и усилиям правящей элиты, захотевшей раз и навсегда обогатиться по-человечески и войти в передовую мировую элиту на равных (или почти на равных), была подвергнута всестороннему разрушению, хаотизации и криминализации, разумеется, не абсолютным и не окончательным, ибо Россия должна была вынести на своих плечах нежданно-негаданно образовавшуюся элиту нового ти-

па в чаемый ею «цивилизированный мир». Элита, таким образом, сыграла и играет до их пор роль антиэлиты, установив для России некое антибытие или, скажем так, инфернализованное существование.

Данное поведение элиты-антиэлиты есть не что иное, как измена – примитивная, грубая, пошлая. Трудно придумать что-либо более омерзительное, чем то, что творилось, а во многом творится и сейчас, в ходе так называемого рыночного реформирования СССР– России. Россия оказалась униженной, расстроеной, отброшенной назад, но не оставленной во все, ибо такая Россия должна была служить и служит источником богатства для «малых» внутри страны и для «немалых» за ее пределами.

Действия элиты-антиэлиты в СССР–России были не просто поддержаны, но и обусловлены, а в решающей мере и спровоцированы, внешними антисоветскими и антироссийскими силами, однако заинтересованными в полусуществовании полу-России, способной лишь слепо работать и бездумно делиться своими природными, интеллектуальными и сырьевыми ресурсами. Отсюда небывалая зависимость России от внешних сил, ее несамостоятельность, ее социальная, экономическая и политическая аморфность, ее «прислужность».

2. Российская элита-антиэлита, великолепно отыграв роль прислужливой и жадной антисистемы, сказочно обогатившись, оказалась, что называется, «в интересном положении», ибо вдруг открылось, что она в России совсем даже не элита, а что-то другое, к примеру – инфекция, не имеющая никакого доверия у презираемого ею населения и воспринимаемая им исключительно как ненужное ему и опасное для него вредное насекомое, но что самое неприятное, не имеющая никакого доверия и у мировой элиты, во все и не заинтересованной допускать ее в свой «цивилизированный круг».

Отягощенная странной, сбитой с пути, неуправляемой и непонятной страной, имеющая совершенно неприглядный, если не отвратительный, имидж, заявившая о себе как вороватая, безжалостная к своим и чужим, жалкая в моральном отношении сила, «наша элита» оказалась если и не в сплошной изоляции, то в своеобразном вакууме, заставившей ее, быть может, не столько понять свое рискованное положение, сколько просто отчаянно и нелепо засуетиться. Под элитой – полуразрушенная страна, вокруг элиты – ненависть и презрение. И это при всех успехах затеянного ею и в ее интересах глобального реформирования и по достижении многого из ею чаемого.

3. А что Россия? А Россия, привыкшая, скажем так, уступать власти, не уступая, коли власть идет ей совсем уж наперекор, пошла по пути всестороннего приспособления к возникшей неожиданно смертельной ситуации – после первичного расплова. И что интересно: Россия не просто смогла как-то приспособиться, в чем-то и ответить, – то ли на свою, то ли на чужую голову, – положительно на призыв элиты – почему нет, коли так? – но и, что особенно поразительно, устоять, причем не в дремучести какой-нибудь, о чем любят порассуждать всяческие антироссийцы, а в самой что ни на есть цивилизованности, ибо далеко не все из трудящихся, т. е. живущих своим трудом, кинулись на кинутую аморальную приманку, поддались на изощренное словоблудие, согласились бездумно на «новые ценности».

Поначалу, конечно, всякое было, но жестокое и быстрое время кое-чему научило: ложь, она и есть ложь! Традиция, запрятанная в глубине сознания, может, уже и не особенно осознаваемая, предостерегла, а потом и заставила кое-что понять, пусть и не до конца, пусть и в некотором тумане, пусть и эскизно. Традиция вступилась и вышла на передний план, дивясь происходящему, разоблачая его и от него заслоняя. Можно назвать все это действием инстинкта – того же самосохранения, ничего плохого в инстинкте нет, но думается что к инстинкту тут всего не сведешь, ибо сознание-то напряженно работает

– и чем дальше, тем лучше!

4. Можно подумать, что основное противоречие сегодня – противоречие между Россией, рассматриваемой как феномен земли, труда и корневой культуры (с языком вместе), с одной стороны, и водрузившейся в ней и над ней антиэлиты – с другой. Данное противоречие есть, и оно очень острое, его нельзя недооценивать, но оно не только не единственное, но быть может, и не самое главное. Россия молчит, а элита мечется, продолжая свертывать и продавать Россию, но элиту-антиэлиту можно и переварить, можно и сбросить. То есть можно надеяться на разрешение данного противоречия в пользу России.

Ситуация с противоречиями сложнее, запутаннее и тяжелее. И из всех противоречий, которых, конечно же, множество, – что только не противостоит сегодня России, что только ей не угрожает, что только ее не разъедает, – мы выделим, на наш взгляд, важнейшие – и идейной, так сказать, природы, но вовсе не противоречие между новой (модернизационной) Россией и старой (отсталой-де) Россией, о чем любят потолковать, напуская на себя интеллектуальную важность, идеологи творящегося в России не-форменного безобразия. Мы видим и кое-что другое, относящееся как раз к идеальному миру России и окружающего ее мира, – и что заметно глубже и обширнее, что неизмеримо значительнее, жестче и опаснее.

5. Сначала о самой России. Сегодня уже не секрет, что страна, которая есть не страна во все, а мир – мир в мире, особый мир в мире, переживает глубокий кризис апокалиптического характера, особенность которого не в одной лишь тотальности, но и в его своеобразной безвыходности – из такого кризиса нельзя выйти, такой кризис можно только преодолеть, и преодолеть не то что бы стихийно, но в соответствии, скажем так, с непрочитываемым и неугадываемым объективным сценарием, что не означает, что не надо вообще действовать против кризиса, но это означает, что любое искреннее и хорошо продуманное действие во все не гарантирует действительного движения именно по антикризисному вектору. Апокалиптический кризис переживается, – возможно, и не одним поколением, – его надо воистину пережить и, так сказать, воистину выжить, как выживают из социального ареала непрощенных и задержавшихся ненашутку гостей.

Заметим, что данный кризис обусловлен не одними лишь реформационными деяниями 1980–1990-х годов, но и общим апокалиптическим бытием России–СССР–России в XX веке. Апокалиптика страны не сводится только к кризису конца XX века, она сопряжена, по меньшей мере, со всем двадцатым веком, столь изобильным на антироссийские события-процессы. Ослабление российской апокалиптики в 1950–1980-е годы оказалось все-таки временным и было, как выяснилось, не слишком органическим.

Апокалиптичность, как бы продремав где-то в глубине некоторое время, вновь вышла на поверхность и захватила инициативу. Рубеж XX и XXI вв. Россия преодолевает в явно апокалиптическом состоянии – под угрозой расчленения или распада, даже и полного (через некоторое время) исчезновения.

Незамечание данного апокалиптического состояния, затрудняющего, кстати, само преодоление апокалиптического кризиса (при обычных кризисах кризис работает против кризиса, а здесь – наоборот) либо наивно, либо недальновидно («неглубоковидно»), либо сознательно преступно. Россия убывает, хотя и держится – сама по себе, не имея никакой сколь-

ко-нибудь ясной и осознанной перспективы. Суетная борьба за жизнь – не жизнь! Атака на русскость (в широком смысле и во всех аспектах – как принадлежность России) хоть и не вызывает сегодня восстания, но абсолютно обрыдла. Реформа не унимается. Наметившийся было проблеск на горизонте в связи с новым президентством исчез. Страна не выходит из апокалиптического мрака, несмотря на все успехи компрадорской коммерции. Никто ничего не знает, никто ничего не понимает, никто не может ничего поделать – в целом! Игра идет по преимуществу не за, а против России, во всяком случае, признаков игры за – нет (или почти нет). Страна не идет, а дрейфует – под покровом совершенно неповторимого блефа.

Россия сегодня – если и не типичный, но абсолютно явный, антимир, со всеми своими антигосударством, антихозяином, антиполитикой, антикультурой.

Необходимо разобраться со всеми этими «анти» и их понять. И главное, что они знаменуют собою не просто ситуацию, упавшую на страну, а особое ее состояние, при котором имеет место уже апокалиптическое по сути население с соответствующими желаниями-нежеланиями, способностями-неспособностями, действиями-недействиями. На это меньше всего обращается внимание, но это так: апокалипсис затронул уже не социальную конструкцию, не образ даже жизни, не стереотипы поведения, а саму душу человека, не обойдя при этом и самого физического облика. Имеет место резкое понижение уровня человека, его жизненных мотиваций и ориентации, установочных и регулирующих ценностей. Российский человек сошел вниз – и это касается всех россиян без исключения. Высшее, т. е. божеское, социальное, национальное, государственное, коллективное, учрежденческое, даже и семейное, т. е. все то, что выходит за пределы собственного «я» (кстати, крайне размытого, невыраженного, нецельного), все менее трогает апокалиптического человека, как все менее его трогает справедливое, ответственное, сострадательное. И факт такого по-своему выдающегося понижения следует признать, как признать и то, что его мало замечают, как и очень мало по этому поводу горюют. Существование на пониженном уровне становится, если не стало, нормой.

В самого российского человека вселился так или иначе античеловек, заставивший его уйти на адский, пусть и не самый еще глубокий, уровень бытия, которое лучше бы именовать антибытием.

И как раз это-то понижение человека и наиболее страшно, ибо античеловек вовне – это одно, а вот античеловек внутри – совсем другое. Попробуй-ка, избавься – от самого себя! Здесь уже нужен подвиг, причем личный, а сознание-то к такому подвигу и не настроено, более того, оно мало, совсем мало, для этого годится.

И здесь-то и просматривается, кажется, самое важное и самое жуткое противоречие – внутреннее, точнее даже, внутрочеловеческое российское противоречие: между тем, каков ныне российский человек, и тем, каким должен был бы быть российский человек, если суждено ему оставаться с Россией и в России полноценным хозяйствующим субъектом.

Не переварить лишь элиту-антиэлиту надо, что не просто, но все-таки возможно – со временем, а преодолеть самого себя, что, наверно, возможно, но как-то при этом и невозможно – даже со временем. Выдавливание из себя апокалиптического зверя, который уже там, внутри, в душе – вот она, спасительная задача, – и сводится ее решение вовсе не к изменению одного лишь поведения, что само по себе есть не что иное, как имитация.

6. Россия не только не одна в мире, не только открыта миру, но и напрямую зависима от... но не просто от мира, что естественно, а от неких мировых сил, что представлены ныне финансизмом, постиндустриализмом (информатизмом), глобализмом, а попросту говоря – ультраимпериализмом, который не есть вовсе какой-то особенно крутой империализм, даже и международный, даже и всесторонний, а особый по качеству империализм – скрытый, невидимый, вкрадчивый, т. е. как бы совсем и не империализм. Сложилась она, увы, уже сложилась – мировая олигархия, представленная и обезличенным мировым правительством, конечно же, не таким, каким обычно бывает легальное национальное правительство. Тут не надо искать аналогий, здесь все иначе. Разумеется, это не правительство-начальник, не правительство-руководитель, не правительство-государь. Это более всего правительство-ориентатор, правительство-влиятель, правительство-возбудитель. И оно действует!

И когда наши прорабы-перестройщики и либерал-революционеры кинулись во внешний мир, на Запад, в цивилизацию, то они кинулись, зная об этом и не зная, как раз под это мировое правительство, под эту мировую олигархию, т. е. под «ад-правительство и под над-олигархию. И попались!

Это грустно и крайне опасно, это страшно, но это все-таки не самое страшное, ибо попалась Россия не только и, быть может, не столько под власть мировой олигархии и мирового правительства, сколько под жесткое влияние инородного, хотя в чем-то и привлекательного, даже и прельстительного, мира – так называемого передового мира, а несколько иначе – нового мира. Особенность этого последнего даже не в триумфе человекобожества, что уже, пожалуй, и в прошлом, а в победе человекочеловечества, что обозначило не что иное, как завершение в общих и основных чертах пересотворение мира и человека по образу и подобию самого человека. Россия, пережив нечто подобное, но по другому варианту – социалистическому, как-то этот вариант переварив и к себе приспособив, оказалась решительно ввергнутой... но не в сам по себе новый мир, что невозможно по алгоритму этого мира, а в донорскую – со своей стороны – зависимость к этому новому миру, лишь прикрытую едва новомировской вуалью. И этот новый мир активно и быстро проник в Россию, влез в ее идеальное и физическое пространство, приспособляет к себе, растворяет и обезрусивает.

Отсюда еще одно идеальное противоречие фундаментального свойства: между Россией и новым миром, однако в сложнейшей практической конфигурации, ибо Россия принимает в себя этот новый мир, не приемля его, проглатывает его, отплевываясь, идет на сближение с ним, презирая его и будучи им презираемой. И самое главное: Россия не видит сегодня, во всяком случае, своими элитарно-антиэлитарными глазами, никакого иного вектора движения, кроме максимального погружения в целом ей чуждый и смертельно для нее опасный человекочеловеческий мир – новый мир. А мир этот, кроме всего прочего, не менее, а даже более апокалиптичен, чем мир российский, мало того, в отличие от относительной апокалиптичности России, ей в общем-то и во многом навязанной, новый мир абсолютно и имманентно апокалиптичен, страдает, мало того замечая, уже органически присущей отрицательной эсхатологией.

Славно когда-то начиналось Возрождение, громкие оно отпраздновало победы: экономические, научные, технические, цивилизационные, культурные, образовательные, политические, военные, колониальные, прогрессивные, секуляризационные, да мало ли еще какие, но вот пришел срок... и на наших глазах разворачивается, шумно и слепо... не что иное, как Вырождение, хоть и расцветившее всемирными цветами радуги (но не Радуги).

Так куда же в таком случае гонят Россию, во что, собственно, она погружается, с кем связывает свою судьбу? Не с

новой ли Византией, а может, и с новым Вавилоном, как и, возможно, с новой Атлантидой?

7. Российский путь в XXI веке. Уж не легенда ли, не выдумка ли, не благое ли пожелание? Так ли он нужен, этот российский путь? Возможен ли он? Не лучше ли... брести дальше, насупившись и торгуясь, вытягивая пока можно не самый радостный, но все-таки надежный, жребий не очень жестко эксплуатируемого?

Что ж, России и отвечать на все эти мучительные, – хоть и не для всех, – вопросы. Желать или не желать, оставаться или не оставаться, быть или не быть?

Ясно, что российский путь всего труднее, ибо, во-первых, он не слишком отчетлив; во-вторых, он требует жертв, – и не жертв заклания, а жертв борьбы – пусть даже и не физических; в-третьих, не для человека он апокалиптического уже характера. И все-таки... хочется верить, что Россия должна и сможет, хоть и не завтра, хоть и витиевато, хоть и спотыкаясь. Должна и сможет!

Вся проблема тут в том, что XXI век – не российский вовсе век. Россия не впереди, да и сил особых не набирает. Она вошла в XXI век разбитая, едва уцелевшая. Новый мир, который доминирует в мире – не ее мир, более того, он ей противен и враждебен, хоть и лелеется еще в России, из нероссийских прогалин, мечта с этим миром породниться. Здесь все опасно: быть с новым миром заодно, как и начисто ему противостоять. Оба варианта, как говорится, хуже. Отсюда перед Россией стоит сложнейшая задача: переживая и маневрируя, умеривая как-то анти-Россию, нащупать свой путь, который есть путь самосохранения, но не абсолютного, а относительного, предполагающего и изменение, которое не только подержит самосохранение России, но и очертит ее будущий образ и будущую манеру бытия.

На данный момент важна не программа действий, хотя без нее в итоге не обойтись, даже не сами действия, которые, конечно же, необходимы, а желание – причем желание не особого даже пути, а пути, приемлемого для России, отводящего опасность ее расчленения, распада и исчезновения (не надо забывать, что Россия уже немало расчленена!), как и освобождающего Россию от внешней эксплуатации (заметим еще раз, что Россия – страна всю эксплуатируемая!) и внутреннего раздвоения – на богатых и бедных, «европейцев» и «азиатов», граждан и бандитов, компрадоров и националов, россиян и антироссиян, русофобов и русофилов... Для возникновения такого желания нужна общественная консолидация, которой нет, как нужна и принципиальная переориентация элиты, чего тоже пока нет, как нужен и крутой разворот государственной власти, который не совершен. А потому на сегодня самым актуальным является духовно-интеллектуальная работа, хотя бы тех, кто на это способен. Требуется выработка в умах, сердцах и душах – осознанно и не очень – концепции России, которая должна концептуально овладеть Россией, а затем и обеспечить прорыв России на российский путь, который станет при этом концептуально ясным.

Ничего другого из самого важного и нужного, – как и, кстати, возможного, – не остается: почувствовать Россию и ее концептуально выразить. Заметим, что это не первый в истории России заход на концепцию России – как теоретический, так и практический. И это естественно: Россия – тайна, и Россия не одна в мире, совсем к ней и не расположенном. Россия всегда в поиске и всегда в борьбе – не на жизнь, а на смерть. Ничего удивительного в такой концептуальной цикличности нет, – как в возникновении концепций, так и в их внезапном исчезновении. Россия – страна не

Подсолонко М.

УСКОРЕНИЕ ИНТЕГРАЦИИ УКРАИНСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ В ЕВРОАТЛАНТИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО НА ОСНОВЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНТЕРНЕТА И РАЗРАБОТКИ САЙТОВ

Введение. По заявлению новой власти, Украина избрала европейский вектор развития. Вступление Украины в Европейский Союз – перспектива достаточно отдаленная, однако шаги в направлении достижения своей цели государство уже начало делать. Высокий уровень образования населения в технических науках – один из важнейших факторов, приведших к популярности наших специалистов в Европе на данном этапе. Однако, уже сейчас или в ближайшем будущем специфика украинского образования может сыграть отрицательную роль в том, насколько востребован будет персонал из Украины. Недавние выпускники ВУЗов в своем большинстве не знают иностранных языков на должном уровне. Что уж говорить о представителях старой школы, если и знавших основные международные языки, то давно их забывших. Знание выпускником университета, а может быть и школы английского языка на разговорном уровне должно быть таким же повсеместным явлением, как знание таблицы умножения или грамматики родного языка. Значительно легче найти работу будет человеку со знанием еще хотя бы одного европейского языка. Все более популярными становятся специалисты со знанием одного или более из основных языков Азии. Следует отметить, что факт неумения выпускниками ВУЗов обращаться с компьютерами и даже с самыми необходимыми программами, входящими в пакет Микрософт Офис, вызывает недоумение у многих западных работодателей.

Проблемы вхождения украинских университетов в евроатлантическое образовательное пространство. Проблемы вхождения украинских университетов в евроатлантическое образовательное пространство не ограничиваются вышеназванными недостатками основной массы выпускников. Различия в системах образования – пожалуй, одна из самых ярких черт несовпадения стандартов образования в Европе и Украине. Можно привести в качестве примера такие предметы, как микроэкономика и макроэкономика. Если в украинских ВУЗах преподаватели делают основной уклон на историю предмета и теорию, то во Франции – это краткая теоретическая информация и широкая математизация прикладных микро- и макроэкономических задач, упрощающих принятие решений. Очень редко можно найти необходимую литературу на иностранных языках (в подлиннике). Часто лишь прочитав книгу на английском или французском языке можно полностью разобраться в том, что имел в виду автор. Однако, как уже упоминалось ранее, не все студенты и даже выпускники ВУЗов могут читать литературу на иностранных языках. Недостаточное знание иностранного языка, как студентами, так и преподавателями может оказаться самым сложным барьером на пути интеграции украинских университетов в евроатлантическое образовательное пространство. Часто, не найдя необходимых материалов в университетской библиотеке, студенты и преподаватели обращаются в Интернет. Но, к сожалению, и во всемирной паутине не всегда можно найти искомое. Очень часто попадают посторонние и никому не нужные материалы, вызывающие лишь раздражение освоенным назойливым явлением. И лишь редко, после длительных и кропотливых поисков опытный пользователь сможет найти необходимые материалы.